

Кавказская война 1817-1864 гг. в исторической науке

Автор: А. Е. Савельев

Савельев Александр Евгеньевич - кандидат исторических наук. Краснодар.

Армия России была вовлечена на Кавказе в очень необычный конфликт, где сочетались признаки колониальной (для Российской империи) и национально-освободительной (для горцев) войны с элементами религиозного, социального, цивилизационного и межэтнического конфликтов. В обстановке постоянно меняющейся оперативной ситуации, в Кавказской войне была одна константа - Отдельный Кавказский корпус, который к концу первой четверти XIX в. получил основное ядро составлявших его боевых частей.

В отечественной исторической науке оценка Кавказской войны, ее причин, целей и итогов подвергалась частой переоценке, которая, впрочем, зависела не от объективных причин (обнаружение в архивах новых документов, например), а в силу изменения политической ситуации в стране.

В дореволюционной историографии, впрочем, существовала в этом плане единая традиция, которую можно назвать "имперской". Ее представителями были П. Зубов, Н. Ф. Дубровин, А. К. Зиссерман, Н. С. Дроздов, Н. В. Волконский, П. И. Ковалевский, В. А. Потто и Р. А. Фадеев. Начало этой концепции ведется с лекций генерала Д. И. Романовского, которой характерен устойчивый "евро-центризм", признание горских племен "дикими", отрицание наличия у них самобытной, пусть и специфической, культуры, а ключевыми предпосылками являются положения об "умиротворении Кавказа" и "колонизации" региона. С этой позиции покорение Кавказа Россией выглядело безусловно положительным и необходимым, не говоря уже, что это соответствовало имперским политическим целям. Однако в силу подобных исходных предпосылок нельзя говорить о достаточной объективности в оценке всех явлений Кавказской войны. Еще одной характерной чертой оценок того времени было стремление найти у каждого явления "человеческое лицо", то есть "назначить" какого-то политического или военного деятеля ответственным за некий успех или провал. Именно этим и объяснялась слишком большая длительность войны и отсутствие реальных успехов на протяжении значительной ее части. Не следует также забывать, что перечисленные авторы писали свои труды в пореформенную эпоху, для которой было характерно отрицательное отношение (разумеется, достаточно условное в системе цензуры) к периоду царствования Николая I и, соответственно, к личностям политических деятелей и военачальников того времени. Неудивительно, что главными героями Кавказской войны признавались генерал А. П. Ермолов (эпоха императора Александра I) и князь А. И. Барятинский (время Александра II). Первый собственно и определил Кавказ как "природную крепость" и разработал стратегию его "правильной осады". Второй же вернулся к ней после растянувшегося на десятилетия периода неудач своих предшественников. Для работ этого направления было характерно также желание подчеркнуть значение Шамиля как военачаль-

В советской историографии подобная концепция не была принята. Прежде всего из-за того, что советские историки объясняли исторические явления в силу политически-идеологических причин с "марксистской" позиции, где все сводилось лишь к социально-экономическим факторам и борьбе общественных классов. Одновременно из-за пропагандируемых лозунгов "дружбы народов" и "классовой солидарности бедняков и трудящихся всех наций", русский народ в целом никак не мог быть объявлен "завоевателем и колонизатором Кавказа". Агрессорские устремления приписывались неким условным явлениям, обозначаемым как "царизм" и "империализм". Горцы же в этом случае характеризовались как борцы одновременно с "колониальными" устремлениями царского правительства и "гнетом" местных феодалов. Таким образом возникла концепция сопротивления горцев. Основной смысл ее положений хорошо передан в академическом труде "История народов Северного Кавказа": "Поскольку рост феодальной эксплуатации и гнета самодержавия происходил одновременно и в тесной связи с укреплением царской администрации, то антифеодальный протест нередко сливался с колонизаторской борьбой"¹ и "Не русский народ, который сам был угнетаем, а царизм ответственен за проявленные на Кавказе жестокость и насилие..."². В итоге все свелось к ситуации, отраженной в поговорке "Паны дерутся, а у холопов лбы трещат". По идеологическим причинам советским историкам необходимо было обосновать идею о том, что Кавказская война являлась частью общемирового "революционного" процесса. Под последним имелись в виду череда европейских восстаний 30 - 40-х гг. XIX в. и тезис о якобы предреволюционной обстановке в Российской империи перед отменой крепостного права. Чтобы придать указанной теории достаточно научный вид исследователям приходилось идти на определенные подтасовки фактов. Например, старательно ретушировались такие явления, которые могли бросить тень на горцев как на участников классовой борьбы: их набеги на казачьи станицы, кровавые междоусобицы и участие в восстаниях местной знати. Кроме того, уровень общественного развития всех горских племен был искусственно уравнен и априори считался феодальным без достаточного обоснования подобного утверждения. Длительность покорения Кавказа Российской империей объяснялась очень просто, а именно бездарностью царских генералов и героическим сопротивлением горцев.

К началу 1940-х гг. окончательно сложилась советская трактовка Кавказской войны: на этапе перехода к феодальному обществу, а также в его недрах обострились классовые противоречия, усугубленные российской колониальной экспансией, что породило масштабное антифеодальное и антиколониальное движение под религиозными лозунгами. Подобная концепция во многом определялась и позицией непререкаемых в советской исторической науке авторитетов - К. Маркса и Ф. Энгельса, которые "...в событиях на Кавказе... усматривали частный случай проявления международного революционного подъема против царской России, героический пример национально-освободительного движения, достойный всеобщего подражания"³.

Следует отметить, что Н. И. Покровский - один из ведущих отечественных историков 30-х гг., занимавшихся вопросами Кавказа, хотя и вынужден был связан "марксистскими" идеологическими и методологическими установками, в своем труде "Кавказские войны и имамат Шамиля" смог отойти от многих ставших традиционными к тому времени штампов и даже поставил некоторые из них под сомнение. Историк говорил об экономической составляющей российской экспансии, упоминал о горских набегах, писал о жестокости, проявлявшейся обеими сторонами, придавал большое значение влиянию на ход событий военно-стратегического фактора, игнорируемого другими отечественными специалистами того времени. При этом он отметил, что далеко не все выступления горцев можно назвать антифеодальными или антиколониальными. В целом труд Покровского мог бы стать заметным явлением в ряду советских работ, посвященных Кавказской войне, но автор так и не смог ее издать при своей жизни. Опубликована она была лишь благодаря усилиям его сына через 60 лет после завершения⁴.

В 1950-х гг. в отечественной исторической науке был окончательно принят тезис о "мирном вхождении" народов в многонациональное государство. Он вполне соответствовал ситуации с закавказскими народами и некоторыми горскими племенами, однако ни в коей мере не мог быть отнесен к Черкесии, Чечне и Дагестану. Происходившие там события, точнее борьба имамата Шамиля против Отдельного Кавказского корпуса, вполне соответствовали в глазах советских историков уже

стр. 162

упоминавшейся концепции о революционной ситуации в Европе в 30 - 40-х гг. XIX в., тем более что на стороне горцев сражалось немало поляков, которые подходили под образ революционеров-интернационалистов, боровшихся за независимость и своей, и чужой родины. Вопрос о том, стоит ли относиться к покорению Кавказа с одобрением, в советской науке вообще не стоял, ведь "буржуазные ценности", которые несло горцам их приобщение к российско-европейской культуре, историки того времени одобрить не могли, к колониальным устремлениям империи они также относились отрицательно по определению. Все симпатии были на стороне горцев. Впрочем, позже советские историки признали объективную прогрессивность присоединения Северного Кавказа и Закавказья к Российской империи, ведь иначе эти регионы были бы под контролем Турции или Персии, считавшихся еще более реакционными государствами, чем царская Россия. Следует отметить, что даже в рамках этой ограниченной концепции, все сколь-нибудь значительные достижения отечественного кавказоведения в области изучения Кавказской войны приходятся лишь на конец 50-х - начало 60-х гг. XX века. Основная борьба мнений отечественных кавказоведов свелась к спорам вокруг личности имама Шамиля, так как они не могли решить считать ли его представителем особого слоя феодально-теократической верхушки, а, значит, отрицательным персонажем истории по ее марксистской интерпретации, или же руководителем народного антифеодального движения, а потому героем положительным.

В Советском Союзе первым отойти от традиционных взглядов смог М. М. Блиев, который в 1983 г. опубликовал в журнале "История СССР" статью "Кавказская война: социальные истоки, сущность". Так как в те времена действие идеологических догм было еще незыблемо, то автору пришлось излагать свои взгляды очень осторожно. Он рискнул высказать предположение, что для горцев военные действия вовсе не носили характер антифеодальной и антиколониальной борьбы - для горцев окрестные племена и народы всегда были объектом военной экспансии, осуществлявшейся с целью захвата пленных и вымогательства дани. При этом "...уже в XVIII в. политика России, постепенно лишавшая горцев традиционных объектов экспансии, приходила в столкновение с интересами организаторов и участников набегов"⁵.

Состояние изучения вопросов Кавказской войны в отечественной истории 90-х гг. XX в. точно отметил В. В. Дегоев в статье "Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги": "Несмотря на порой существенные расхождения в идеологических и научных оценках, советская и постсоветская историография Кавказской войны развивалась и развивается в рамках марксистской теории, хотя есть различия в степени глубины и профессионализма в ее осмыслении. При сохранении безусловного приоритета за сугубо материальными факторами, спор идет преимущественно о том, порождены ли эти факторы внешним источником (активизация России на Северном Кавказе) или же они сформировались на внутренней социально-хозяйственной почве (специфический военный образ жизни горцев в условиях разложения родового строя и перехода к раннеклассовому)"⁶.

В последующие годы, вплоть до настоящего времени, ситуация изменилась мало. Это отмечал и М. И. Блиев в книге "Россия и горцы Северного Кавказа на пути к цивилизации": "По сей день

внушительное по масштабам и уникальное по своей внутренней природе явление рассматривается с точки зрения единственной исторической поверхности - сопротивления горцев Большого Кавказа российской политике и их "антифеодальной борьбы"⁷. Собственно, в книге Блиева уже нет упоминаний о пресловутой "антифеодально-антиколониальной борьбе" горцев. По мнению исследователя, суть происходящего заключалась в том, что "...в ходе боевых перипетий горцы совершали свою собственную Революцию - переход от простейших форм общественной жизни к цивилизации". Автор при этом сравнивал положение на Северном Кавказе с событиями, происходившими на Аравийском полуострове в VII веке⁸. Таким образом, рассматривая вопрос о том была ли Кавказская война результатом внешнего влияния или же ее причинами стала происходившая в горском обществе внутренняя трансформация, в своей книге историк пришел к однозначному выводу, что верно второе предположение: "...Объяснение войны (тем более ее начала) противостоянием с Россией или же фактором религиозного "сектантства" по меньшей мере необоснованно и бесперспективно для понимания существа предмета; и российский, и религиозный факторы в контексте Кавказской войны были независимы по определению или же мало зависели от социально-структурных границ, сложившихся на Большом Кавказе"⁹. Уже в начале своего труда Блиев, анализируя особенности происходивших в середине XIX в. на Кавказе военных действий, пришел к выводу, что они

стр. 163

сами были той средой, где происходили изучаемые социальные изменения: "Сдвинувшая с места все пласты традиционного жизненного уклада, война переступила все мыслимые и немыслимые пороги привычной жизни".

Однако все же на современном этапе концепция "сопротивления горцев" остается в отечественной историографии приоритетной. К сожалению, сейчас некоторые отечественные историки, прежде всего происходящие из кавказских народов, предпочитают трактовать некоторые аспекты Кавказской войны в слишком благоприятном для горцев свете, представляя их лишь невинными жертвами российской агрессии¹⁰. Одной из наиболее интересных работ в подобном ракурсе видения проблем Кавказской войны является книга Я. А. Гордина "Кавказ. Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века" (СПб. 2000). В отличие от многих других авторов с аналогичной точкой зрения этот историк активно использовал документы и архивные сведения, благодаря чему смог воссоздать вполне убедительную картину реализации на Кавказе комплекса имперских идей и стремлений России, отмечая также, как менялся этот комплекс под воздействием различных политических и экономических факторов. При этом из текста книги заметно отрицательное отношение автора к описываемым событиям.

В западной историографии существует большое разнообразие подходов к оценке сущности Кавказской войны. Одной из них является, как ни странно, "имперская" концепция, пришедшая из России, поскольку изначально ее сторонниками были представители первой волны российской эмиграции. Например, влияние "имперской" традиции заметно в выдержавшем пять изданий учебнике "История России" Н. Рязанского - сына русского историка-эмигранта. В частности, в нем говорится, что на Северном Кавказе боевые действия против России вели не местное население "вообще", а "горцы-мусульмане", и что "умиротворение Кавказа... заняло десятилетия"¹¹. Примерно та же точка зрения высказывается в статье американской 54-томной энциклопедии по русской и советской истории, которая хотя и называется "Русское завоевание Кавказа", однако повествует о разноплановом характере русского продвижения в этот регион. Энтони Райнлендер, американский биограф князя М. С. Воронцова, в своей работе говорил о "вовлеченности России в кавказские дела", об ее исторической ответственности перед христианскими народами Кавказа, о неизбежности культурного конфликта с его мусульманским населением¹². Вообще, западные историки, являющиеся последователями

данной концепции, не столько говорили об успехах России на Кавказе, сколько пытались объяснить ее стремление подчинить этот регион особенностями русского имперского мышления ("ментальности").

Имеются в западной историографии и сторонники теории сопротивления горцев. Одной из самых известных работ в рамках этой концепции является "Сабли рая" Лесли Бланч, написанная в 1960 году. В 1991 г. она была переведена на русский язык и издана в Махачкале. Это сочинение, как и многие другие западных авторов, созданные под влиянием идеи сопротивления горцев, основное внимание уделяет кавказской экзотике и романтизму эпохи, а не собственно научному анализу проблемы. В ряде подобных работ положение горцев не вполне правомерно сравнивается с положением североамериканских индейцев¹³. В несколько более объективном аналитическом исследовании Роберта Баумана "Необычные русские и советские войны на Кавказе, в Средней Азии и Афганистане" говорится об "интервенции" русских на Кавказ и о "войне против горцев" в целом¹⁴. Одной из последних зарубежных работ в данном направлении является "Шамиль и покорение Северного Кавказа"¹⁵. Следует отметить, что во всех этих трудах игнорируются документы из российских архивов.

На Западе получила широкое распространение так называемая геополитическая традиция оценки Кавказской войны, в основе которой лежит утверждение о якобы присущем России стремлении расширять свои границы и "поработать" присоединенные территории. Эта концепция берет свое начало в деятельности английского публициста Д. Уркварта. Историки признают его печатное издание "Portfolio", выходявшее с 1835 г., "органом русофобских устремлений"¹⁶. Именно Уркварт впервые определил Кавказ как "щит", прикрывавший Турцию и Персию, а, следовательно, и британскую Индию от русского наступления¹⁷. Одним из классических трудов данного направления является "Завоевание Кавказа русскими" Дж. Бадцели, впервые изданный в 1908 г. и переведенный недавно на русский язык¹⁸. Его автор полагал, что борьба горцев против русских должна вызвать наибольшее сочувствие у британских читателей, ведь те, пусть и не осознанно, за безопасность британско-

стр. 164

го правления в Индии. После второй мировой войны, когда мировое лидерство перешло к США, сторонники данной концепции несколько изменили свое понимание целей России, которые якобы движут ее стремлением продвигаться на Восток. Теперь это просто "теплые воды Индийского океана". Полностью сохранились основополагающие положения рассматриваемой теории - существование русской колониальной "экспансии" по отношению к Азии и противостоящий этому "щит" или "барьер" Северного Кавказа. Наиболее интересной из современных работ в рамках геополитической традиции является "Большая игра" Питера Хопкирка¹⁹. Последний почти два десятилетия проведший в Центральной Азии в качестве корреспондента лондонской газеты "Таймс", включает Кавказ в состав огромного "поля битвы" интересов великих держав, которое, по его мнению, представляет собой азиатский регион. Однако в большинстве случаев специалисты, разделяющие данную точку зрения, предпочитают не проводить глубокий анализ ситуации на Кавказе в период его завоевания Российской империей, а останавливаться на негативных аспектах и последствиях этого события. Среди них, например, Виллис Брукс²⁰. Ярче всего геополитическая концепция сейчас проявляется в работах членов английского "Общества исследований Центральной Азии"²¹, которые публикуются в журнале "Central Asian Survey". Эта организация выпустила также сборник "Северо-Кавказский барьер. Наступление России на мусульманский мир"²², название которого вполне четко отражает основную направленность публикаций.

Одной из перспективных концепций, характеризующих взаимодействие Кавказа и Российской

империи в первой половине XIX в., является теория "контактных зон". Ее главным понятием является "фронтир" ("frontier") - граница особого рода, разделяющая представителей разных культур. Вдоль нее неизбежно происходит "культурный билингвизм" - взаимопроникновение характерных черт этих культур. Впервые этот термин в широком значении применил американский историк Ф. Тернер (Frederick Jackson Turner) в 1890-х гг., опубликовав статью "Значение фронта для американской истории"²³, где говорил о положительной роли фронта, противопоставляя ее истории конфликтов. После Тернера этот термин применяли еще несколько западных специалистов, в том числе и по отношению к европейской истории. В отечественной науке аналогом понятия "фронтир" является термин "контактная зона", впервые введенный В. Д. Королюком в 1972 году²⁴. Достаточно активное использование концепции "контактных зон" и "фронтира" началось с 90-х гг. XX в., причем собственно к Кавказу ее применил американский историк Томас Барретт в труде о терских казаках²⁵.

Таким образом, в современной исторической науке нет, да и, пожалуй, не может быть единого взгляда на вопросы, относящиеся к Кавказской войне, как явлению в целом. Позиции исследователей по-прежнему находятся в зависимости от идеологических взглядов и политических пристрастий. Попытки объективно и беспристрастно разобраться в столь сложном и противоречивом историческом явлении предпринимались очень редко.

Примечания

1. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. - 1917 г.). М. 1988, с. 138.
2. Там же, с. 179 - 180.
3. ДЕГОЕВ В. В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги. - Сборник Русского Исторического общества. 2 (150). М. 2000, с. 227, 231.
4. ПОКРОВСКИЙ Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М. 2000.
5. БЛИЕВ М. М. Кавказская война: социальные истоки, сущность. - История СССР. 1983, N 2, с. 54.
6. ДЕГОЕВ В. В. Ук. соч., с. 240.
7. БЛИЕВ М. И. Россия и горцы Северного Кавказа на пути к цивилизации. М. 2004, с. 7.
8. Там же, с. 795.
9. Там же.
10. См., напр.: Черкесия в XIX веке. Сб. статей. Майкоп. 1991; Кавказская война. Спорные вопросы и новые подходы. Тезисы докладов международной научной конференции. Махачкала. 1998; ПАНЕШ А. Д. Мюридизм и народно-освободительное движение адыгов Северо-Западного Кавказа (1829 - 1864). Дис. к.и.н. М. 1994.
11. RIASANOVSKY N.A. History of Russia. N.Y. 1993, p. 389.

12. ANTHONY L.H. Rhineland. Prince Michael Vorontsov. Viceroy to the Tsar. McGill Univ. Press. 1990, p. 124 - 125.

13. GEOFFREY J. SKELTON. Born to War. - Military History. 1993, February, p. 20.

стр. 165

14. ROBERT F. BAUMANN. Russian-Soviet Unconventional Wars in the Caucasus, Central Asia and Afghanistan. - Leavenworth Papers, N20,1993, p. 1, 7.

15. ГАММЕР М. Шамиль и покорение Северного Кавказа. М. 1997.

16. См, напр.: CURTISS J.S. Russia's Crimean War. Durham, 1979, p. 21; GLEASON J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain. Cambridge (Mass.). 1950, p. 181 - 193.

17. URQUART D. Progress of Russia in the WEST, NORTH and SOUTH. 5th ed. L. 1853, p. 437.

18. BADDLEY J.F. The Russian Conquest of the Caucasus. L. 1908; БАДДЕЛИ ДЖ. Завоевание Кавказа русскими. М. 2007.

19. НОПКИРК Р. The Great Game. On Secret service in High Asia. Oxford. 1991.

20. BROOKS W. Russia's Conquest and Pacification of the Caucasus: Relocations becomes a pogrom in the Post-Crimean War. - Nationalities Papers, 1995, vol. 23, N 4, p. 675 - 681.

21. Society for Central Asia Studies (director - Mary Bennigsen Broxup).

22. The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. N.Y. 1992.

23. TURNER F.J. The Significance of the Frontier in American history, 1893 rpr in The Frontier in the American History. W.Va. 1976, p. 1 - 38.

24. КОРОЛЮК В. Д. О так называемой контактной зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья. В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев. 1972, с. 31 - 46.

25. THOMAS M. BARRETT. At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier. 1700 - 1860. Westview Press. 1999.

стр. 166
